

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX

ВЕКА:

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

II международная
научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург
пос. Поляны Ленинградской области

1-5 июля 2001 года

2) Единство цикла обеспечивается связью на уровне взаимодействия мотивов, тем, образов и лейтмотивов (в том значении, которое придавал этому слову Б. В. Томашевский), подробно рассматриваемой в большинстве работ (Ю. В. Лебедев, А. Г. Янушкевич). В системе образов «ведущая» роль в реализации целообразующей функции принадлежит «сквозному» герою-повествователю или герою-наблюдателю (как например, в цикле М. Горького «По Руси»)

Важно иметь в виду взаимодействие связей на различных уровнях структуры текста. Так, особенности сюжетного взаимодействия коррелируют с возможностями мотивной и лейтмотивной структуры. Исходя из этого, можно определить принципы функционирования, общие для всех типов циклообразующих связей: ассоциирующий принцип «возврата» и комплементарность в осуществлении целообразующей функции на разных уровнях структуры текста.

Представляется, что применение предложенной системы признаков позволит не только объективно интерпретировать, но и типологизировать авторский цикл как явление, уточнить художественные возможности цикловой структуры и дифференцировать его в системе прочих жанров.

Annick Morard

Швейцария, Женева

«ОТ КАЖУЩЕЙСЯ ИГРЫ

К РАЗОБЛАЧЕНИЮ ОБЩЕГО ОБМАНА»

В этом докладе о Пелевине мы рассмотрим, как автор скрывается за фигурой шута, и каким образом он использует литературные приемы постмодернизма с этой позиции. Затем я попробую доказать, что Пелевин не только шут, но и прежде всего тонкий аналитик общества и внимательный слушатель его многообразных голосов. Умножая формы рассказа, Пелевин обнаруживает общий обман как в реальности, так и в выдумке и заставляет читателя критически взглянуть на все уровни окружающего мира (настоящего и прошлого, реального и придуманного).

Особенность Пелевина в том, что он сдвигает пространственные и временные границы в развивающейся интриге непосредственно перед читателем. Автор сопоставляет разные миры: явь и выдумку, реальность и ирреальность, располагая их на одном и том же уровне возможного существования. Таким образом, читатель постепенно теряет уверенность в правильности понимания им мира, конструируемого текстом, так же, как это могло бы произойти перед экраном телевизора или страницей Интернета. Он непосредственно увлекается игрой, хотя он и знает, куда его ведет эта игра, возможности связей и соотношений между разными уровнями почти неограничены.

Надо также заметить, что сосуществование разных миров, приводящее к их уравниванию в единой плоскости мира Пелевина, распространяется на все дискурсивные ситуации. Пелевин отказывается придать своему рассказчику и своим персонажам незыблемые и доминирующие черты характера, которые определили бы их личность. Наоборот, Пелевин считает, что личность, равно как и произведе-

ние, — разорванное понятие. Поэтому у всех персонажей Пелевина множество разных личностей. Одним широким движением Пелевин разоблачает и стремление личности отождествиться с некой моделью, и попытку отличиться определенными чертами характера, которые никак не могут быть адекватными многосторонности и гибридности личности.

Можно говорить о полном взрыве текста, осколки которого висят в каком-то неопределенном и как бы нейтральном пространстве, где развивается игра. В этой неопределенности, которую Пелевин называет «пустотой», царит критический ум, ибо за всеми голосами признается одинаковое право на выражение, которое реализуется в непочтительном характере по отношению к объекту речи. Множество голосов отвечает на множество миров и это делает возможными не только пространственные движения, метаморфозы, переходы и семантические сдвиги, но также сопоставление противоположных идей, которые играют своими противоположностями или несходствами.

В заключении хочу уточнить, что для осуществления этих игровых конструкций Пелевин пользуется литературным обманом, загадкой без решения и диссимуляцией. Эти художественные приемы свидетельствуют о том, что Пелевин не хочет определять своих позиций и что он всегда предпочитает сомнение окончательному решению. Сопоставляя литературные, исторические и социологические факты с элементами чистой выдумки, Пелевин предлагает нам дискуссию, которую он хочет оставить открытой. Это нежелание давать ответы может раздражать читателя, который иногда чувствует себя в тупике, но, на мой взгляд, это прежде всего сильное выражение неограниченного и безусловного участия.

Дмитрий Бак

Москва

«ЕДИНСТВО И ТЕСНОТА»: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ РОМАНА Б.ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

1 Попытки выявить и описать конструктивные принципы пастернаковской прозы имеют давнюю историю, начиная с работы Р. Якобсона, выдвинувшего единый «*метонимический принцип*» строения поэзии и прозы Пастернака (Jakobson, 1935).

2 Вопрос о композиции романа «Доктор Живаго» в большинстве работ ставился и решался в непосредственной связи с проблемой взаимодействия стиха и прозы в художественной системе романа (Оболенский, 1962, Ржевский, 1962, G. Struwe, 1970, Potorska, 1975, Сега.л, 1981, B. Gasparov, 1989, Birnbaum, 1989, Магомедова, 1993. См. также Бак, 1992).

3 Представляется возможным и перспективным вернуться к вопросу о композиции романа Пастернака с учетом модифицированного использования классических тыняновских понятий «*единство и теснота стихового ряда*», противопоставление «*сукцессивности*»/«*симультанности*» поэтической/прозаической речи (Тынянов, 1924).